

МАРКЕРЫ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ В НОМИНАЦИЯХ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Работа представлена кафедрой ЮНЕСКО «Теория образования в поликультурном обществе»
РГПУ им. А. И. Герцена.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И. П. Лысакова

В статье рассмотрены вопросы формирования и функционирования маркеров языка вражды в номинациях этнической принадлежности – этнофолизмах. Выявлены основные способы образования этнофолизмов. Обосновано влияние экстралингвистических факторов на грамматическое оформление номинаций данного типа, а также на их распространение и функционирование в социуме.

Ключевые слова: этнофолизмы, язык вражды.

O. Korobkova

HATE SPEECH INDICATORS IN ETHNIC MEMBERSHIP NOMINATIONS: SOCIOLINGUISTIC ASPECT

The article reveals the issues concerning hate speech indicators in ethnic membership nominations – ethnophaulisms, their forming and functioning. The basic ways

of their forming are depicted. The influence of the extralinguistic factors on the grammatical form, distribution and functioning of these nominations in society is substantiated.

Key words: *ethnophaulisms, hate speech.*

В последние десятилетия в связи с напряженной межэтнической ситуацией в России и за рубежом в отечественной социолингвистике вслед за западными коллегами начала широко обсуждаться проблема языка вражды, сначала среди социологов (Р. Акифьев, А. М. Верховский, И. Дзялошинский, Д. В. Дубровский, О. В. Карпенко, Г. Кожевникова, Е. Ю. Кольцова, Э. Понарин, И. В. Следзевский, Е. Е. Таратута, А. Толкачева, Ф. И. Торчинский, В. Р. Филиппов, Е. О. Хабенская, Л. Л. Шпаковская), этнологов (В. К. Малькова, В. А. Тишков) и психологов (А. Д. и А. А. Леонтьев, М. В. Кроз, А. Р. Ратинов, Н. А. Ратинова), а затем и в собственно лингвистическом аспекте (А. И. Грищенко, Л. В. Дуличенко, Н. А. Купина, Н. В. Муравьева, Н. А. Николина, С. В. Свирковская).

Этот вопрос получил освещение уже после детального изучения проблем толерантности, в качестве одной из ее производных, так как это один из основных способов выражения интолерантности и дискриминации – лингвистический.

Мы понимаем язык вражды как «способы языкового конструирования моделей и практик социального неравенства» [6, с. 91]. Определив таким образом что язык вражды – это **языковое выражение интолерантности, или лингвистически выраженная интолерантность**, необходимо указать, какими языковыми средствами он формируется.

Одним из важнейших языковых средств формирования языка вражды является лексика. Несомненно, к наиболее значимым признакам языка вражды относятся такие лексические единицы, которые отражают релевантность для говорящих оппозиции «свой – чужой». Для коммуникантов, осмысливающих мир в этническом контексте, к таким единицам относятся как нейтральные (общелитературные), так и экспрессивные этнонимы.

Из всех экспрессивных этнонимов к языку вражды относятся лексемы со значе-

нием чуждости и агрессии. Это в первую очередь наименования представителей разных этносов с негативной коннотацией, распространенные в жаргонах, арго, просторечии, разговорной речи, а также активно проникающие и в публичный дискурс (литературный язык). По степени жесткости коннотации могут быть различными: от иронично-пренебрежительных до уничижительных, презрительных, бранных. Нейтральные этнонимы могут использоваться как в толерантных и нейтральных дискурсах, так и в языке вражды.

В западной традиции такую лексику принято называть термином *этнофолизмы* (термин *ethnophaulism* образован сложением корней двух греческих слов: ἔθνος ‘народ, племя’ и φαῦλος ‘дурной, ничтожный’, и обозначает номинацию с оттенком этнической нетерпимости и предубеждения к другим народам) (С. Johnson, В. Mullen, А. A. Roback; D. Rozell, Я. Довгополый), который также пришел и в отечественное языкознание (А. И. Грищенко, Н. Ф. Мокшин, Л. И. Пренко). Кроме того, существует термин *экстроним* (*ectronym*) (Е. Е. Ericson) и *этническая кличка* (*ethnic slur*)*.

В русской традиции применяются термины: *прозвищные этнонимы* (Е. Л. Березович, Д. П. Гулик), *пейоративные/экспрессивные псевдоэтнонимы* (А. С. Архипова), *экспрессивные этнонимы* (А. И. Грищенко, Н. А. Николина), *национальные прозвища*. В последние годы также введены такие понятия, как *национально-расовые оскорблении/пейоративы* (В. И. Карасик), *этнические инвективы* (В. И. Жельвис), *ксенэтнонимы* (С. В. Свирковская). В. И. Карасик, исследуя английские пейоративы, справедливо подчеркивает, что инвективизация происходит на основании примитивной схемы «чужой → опасный, нелепый» [5].

На наш взгляд, наиболее приемлем термин *этнофолизмы* или *лексемы чуждости*,

которые наиболее точно передают семантику лексики языка вражды, с одной стороны, отражая присутствие этнической картины мира при использовании таких лексем, а с другой стороны, показывая потенциальный заряд интолерантности в них.

Необходимо заметить, что, хотя термин **этнофолизм** содержит компонент **этно-** (т. е. название того или иного этноса), многие из них образованы не на этнический основе (мотивация слова – не этноним). Тем не менее мы считаем присутствие компонента **этно-** оправданным, поскольку данные лексемы осмысляются говорящими именно так. Как отмечено А. И. Грищенко, рядовыми носителями языка, создающими и пользующимися этими словами, этничность понимается не как научное, а как обыденное, нерасчлененное и предельно широкое понятие, до конца ими не осмысленное [2].

Важно отметить, что именно лексика, маркирующая «чужих», является признаком языка вражды и присутствует только в нем, а не в других видах дискурса, в то время как лексемы, маркирующие группу «своих», могут быть, во-первых, нейтральными, а во-вторых, присутствовать не только в дискурсе вражды, но и в других видах дискурса. Поэтому в корпусе выявленных нами этнофолизмов подавляющее большинство являются лексемами, маркирующими «чужих».

Употребление или неупотребление этнофолизмов в той или иной ситуации часто обусловливается экстралингвистическими, а точнее, социальными факторами. Особое значение в реализации интолерантного дискурса имеет стилистическое оформление текста.

Современная речевая культура в целом не поощряет использование грубых, открытых форм агрессии в публичной коммуникации. В то же время лексика языка вражды, этнофолизмы, в основном представлены номинативными единицами, являющимися пограничными элементами между инвективами и сниженной лексикой [7, с. 122]. В литературном разговорном языке этнофолизмы практически не встречаются, подавляющее большинство этнофолизмов приходится на

разновидности не-литературного языка. Многие этнофолизмы вообще не зафиксированы словарями, другие включены в специальные словари, описывающие лексику той или иной социальной сферы.

Существует несколько способов образования этнофолизмов:

1. **Семантическая деривация**, т. е. семантическое развитие слова на основании метафорического (человекообразные – африканцы, негры) или метонимического переноса (гамбургер – американец; хачапури (муж. и жен.) – выходец из Средней Азии, с Кавказа).

2. **Усечение основы**: азер, зерба – азербайджанец, мекс (мексиканец).

3. **Фонетические изменения** в слове-основе; часто сопряженные с усечением основы, как правило, для приспособления артикуляции к наиболее приемлемой для русского произношения: чех < чеч* < чеченец (усечение основы и диссимилляция по смычности и твердости/мягкости: преобразование второй мягкой аффрикаты <ч> в твердую щелевую <х>).

4. **Заимствование**: хамар (ял) (от чувашского хамár ял «земляк, односельчанин») – необразованный чуваши, деревенщина; дойчмены, дойчеры (немцы) – от нем. Deutscher (немецкий).

5. **Калькирование**: жабоеды (от англ. frog-eater) – французы.

6. **Аффиксация**. В русском языке наиболее продуктивна **суффиксация**, часто сопровождающая усечение основы, фонетические изменения и заимствования: американка – американец, кив-ос (от англ. Kiwi – самоназвание жителей Новой Зеландии). Также возможна **префиксация**: не-русь – все нерусские, за-бугорные, за-кордонные – иностранцы.

7. **Безаффиксный** способ, т. е. переход слова в другую парадигму словоизменения): хач (ж. р., 3 скл. – собирает. представители народов Средней Азии) от хач (м. р., 2 скл.) – азиат, выходец из Средней Азии.

8. **Основосложение**: салоед – украинец, жабоед – француз, жидомор – еврей.

9. **Аббревиация**: ЛКН – лицо кавказской национальности;

10. **Словостяжение**, т. е. возникновение нового выражения или формы путем объединения элементов двух выражений или форм, чем-нибудь сходных: *абрамгутанг* (от Абрам + арангутанг) – еврей; *хачушика* (хач + чушка) – представительница одного из народов Средней Азии; *шаурмяне* (шавурма + армяне);

11. **Лексико-синтаксический способ, или сращение**, – это способ словообразования, при котором производное слово образуется в результате сращения целого сочетания слов в одно слово: *абстулзадомбей* – турок (имитация турецкой фамилии).

В большинстве лексических дериваций используются сразу несколько способов словообразования.

Все этнофолицеские номинации можно разделить на несколько групп:

1) представители народов Кавказа (*хаччики, лица кавказской национальности*), Средней Азии (*чурки, чучмеки*) и СНГ (*хоккяндия, хохлы – украинцы, бульбации – белорусы*), постсоветского пространства, и стран, непосредственно граничащих с Россией;

2) представители коренных народов России, особенно в национальных республиках (*хамары – необразованные чуваши*);

3) евреи (*жиды, жидоморы, еврюганы, безродные космополиты* и пр.);

4) представители народов Западной Европы и Америки (*америкашка, макаронник – итальянец, жабоед – француз*);

5) представители народов России (для иностранцев) и русские (*рюсся* (фин.), *тибла* (эст.));

6) все прочие (*кивос – житель Новой Зеландии*).

Если не принимать во внимание пятую группу, которая, как правило, включает номинации, данные русским «чужими», то выясняется, что количество номинаций и степень их интолерантной заряженности прямо пропорциональна частоте общения (в социуме) с представителями тех или иных этносов, а также обширности социальных, экономических и политических связей между странами.

Открытые границы со странами СНГ, обилие приезжих из этих стран, гастарбайте-

ров и негативное отношение к ним местного населения ведут к обилию уничижительных номинаций представителей этих стран. Неоднозначные отношения с США и Западной Европой порождают стереотипные номинации их представителей (особенно американцев). В то же время россияне не так часто сталкиваются с реальными жителями Америки и Европы, а узнают о них из новостей, газет, фильмов. В связи с этим номинации этой группы не столь агрессивны, а часто лишь передают распространенные стереотипы о них (*макаронники, жабоеды*) или имеют пренебрежительные коннотации (*америкашка, французишка*).

Исключением является антисемитизм. Евреи часто ассоциируются с властью имущими, а большое количество номинаций евреев соотносится с неудовлетворенностью властью в стране, например: «*Евреи всю власть в стране захватили!*» (форум); «*А что “сегодняшние” евреи – абрамовичи, березовские и иже с ними? Да, они безусловно грабители, мучители, мерзавцы!*» [Куда дели русские богатства? // Газета «Дуэль». 19 июля 2005].

Представители всех прочих этносов, с которыми россияне непосредственно не контактируют, редко получают этнофолицеские номинации. Как правило, это могут быть номинации этносов или наций, среди которых компактно проживают русские общины, но ввиду того что в таком случае сами русские являются «гостями», номинации обычно носят шутливо-разговорный или пренебрежительный характер, т. е. не имеют основной целью оскорблени и унижение, например: *мексы, мексикосы – мексиканцы; латиносы – жители стран Латинской Америки*.

Такое распределение номинаций полностью согласуется с мнением этнологов (В. А. Тишков, А. Г. Здравомыслов, Ф. Барт) о том, что этническая и национальная общность реализуется прежде всего через взаимодействие наций и этносов (признание или не-признание, восприятие нациями друг друга). Центральное место занимает контакт (коммуникация) одного национального или этнического сообщества с другими, так как без него невозможно само взаимнореферент-

ное действие между ними [4]. На основе соотнесения «своей» и «чужой» группы формируется коллективная идентичность, а также толерантность и приятие или интолерантность и ксенофобия, под действием различных социальных и внешних условий.

Отсутствие постоянных контактов с теми или иными нациями создает иллюзию того, что их *как бы нет*, а следовательно, нет необходимости и в номинации.

В то же время частые контакты между нациями не являются причиной обязательно негативного взаимоотношения. Наблюдения показывают, что при примерно равной частоте коммуникаций с различными народами СНГ количество номинаций и их интолерантный потенциал различны. Причины резко негативного или нейтрального и позитивного отношения к различным нациям лежат во внелингвистической сфере: социально-экономической, внешне-политической, и пр., и не входят в круг вопросов, рассматриваемых в данной статье.

Несомненно, социолингвистическое объяснение получает и категория рода в этнофолицеских номинациях [3, с. 9]. Подавляющее большинство этнофолицесов в единственном числе – мужского рода и не имеют соответствий для обозначения лиц женского пола, хотя в нейтральных этнонаимах такое соответствие присутствует, например: *мексиканец* (м. р.) – *мексиканка* (ж. р.), но разговорное *мекс* (м. р.) не имеет соответствующей формы женского рода. Редкие этнофолицесы женского рода являются производными от соответствующих слов мужского рода: *хач* (м. р.) → *хачиха* (ж. р.); *америкос* (м. р.) → *америкоска*, *америкосина* (ж. р.). По всей видимости, это обусловлено большей мобильностью и социальной активностью мужского населения по сравнению с женским. Однако нельзя отрицать и собственно лингвистического объяснения. А. И. Грищенко и Н. А. Николина выдвигают предположение о том, что множественное число первично для этнонаимов вообще и для экспрессивных этнонаимов в частности [1, с. 183]. Во множественном числе в этнонаимах и этнофолицесах мужского рода категория рода нейтрализуется, кроме

случаев особого указания на наличие только представительниц женского пола, например: *итальянцы* – это и итальянки (ж. р.) и итальянцы (м. р.); *немчеры*, *немчура* – немцы (мужчины и женщины). Однако при использовании существительного в единственном числе значение женского рода оказывается невыраженным и требует особой формы. При этом лишь некоторые этнофолицесы мужского рода получили соответствия женского рода, большинству же этнофолицесов номинаций соответствует форма женского рода нейтрального этнонаима. Например, этнофолицес *азер*, *зербот* (м. р. – азербайджанец) соответствует форма женского рода нейтрального этнонаима *азербайджанска* (ж. р.).

Социолингвистические параметры также определяют сферу употребления этнонаимов. С точки зрения территориального распространения этнофолицесов мы выделили две группы:

Этнофолицесы общероссийского распространения: *чурки*, *хачики*, *азеры*, *америкосы* и пр. Это, как правило, этнофолицесы, называющие представителей внороссийских этносов, а также жителей зарубежья, особенно дальнего. Знания и стереотипы о них распространяются через СМИ, Интернет, блоги, форумы и поэтому присутствуют равномерно по всей России.

Этнофолицесы регионального распространения бывают двух типов:

1) распространенные в национальных республиках России и относящиеся к представителям национальных меньшинств: *мамбет* (Якутия), *хамар* (ял) (Чувашия), и т. д.;

2) распространенные в бывших республиках СССР (номинации титульных наций) и в регионах России, непосредственно граничащих с тем или иным государством (в связи с чем происходит гораздо больше контактов между соседствующими этносами, чем в центральных регионах): *чимчигрыз* (чимчи – квашеная капуста по-корейски) – азиат, *лабас*, *лабатый* (от литовского *labas* привет) – литовец и т. д.

Язык вражды постоянно развивается и пополняется новыми номинациями. Это связано с тем, что язык очень чувствителен к

любым внешним воздействиям и изменение социальных настроений порождает новые лексические единицы. Образование таких единиц ситуативно и зависит от ряда внелингвистических факторов, многие из них оста-

ются лишь окказионализмами и не получают широкого распространения, в то время как другие начинают не только широко употребляться, но и по их модели образуются новые этнофолизмы.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Например, в интернет-издании «Свободная энциклопедия Wikipedia» (<http://wikipedia.org/>) существует рабочий список разноязычных этнических кличек – «List of ethnic slurs» (на английском языке) – http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_ethnic_slurs, и его аналог на русском языке: «Национальные прозвища» – http://ru.wikipedia.org/wiki/Национальные_прозвища. Данные списки постоянно пополняются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грищенко А. И., Николина Н. А. Экспрессивные этонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография. Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 175–187.
2. Грищенко А. И. Источники возникновения экспрессивных этонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: материалы международной конференции 8–9 июня 2007 г. памяти Л. В. Николенко и Ю. П. Солодуба (МПГУ). М.; Ярославль: Ремдер, 2007. С. 40–52.
3. Дуличенко Л. В. Антрополексемы с негативным значением и их лексикографическое описание. СПб., 2000. 20 с.
4. Здравомыслов А. Г. К обоснованию релятивистской теории нации // Релятивистская теория нации: новый подход к исследованию этнополитической динамики России. М.: РНИСиНП, 1998. С. 9–25.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкоznания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.
6. Понарин Э., Дубровский Д., Толкачева А., Акифьева Р. Индекс (ин)толерантности прессы // Язык вражды против общества: сб. ст. / сост.: А. Верховский. М.: Центр «Сова», 2007. С. 72–106.
7. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

REFERENCES

1. Grishchenko A. I., Nikolina N. A. Ekspressivnye etnonimy kak primety yazyka vrazhdy // Yazyk vrazhdy i yazyk soglasiya v sotsiokul'turnom kontekste sovremennosti: kollektivnaya monografiya. Trudy Ural'skogo MIONa. Vyp. 20. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2006. S. 175–187.
2. Grishchenko A. I. Istochniki vozniknoveniya ekspressivnykh etnonimov (etnofolizmov) v sovremennom russkom i angliyskom yazykakh: etimologicheskiy, motivatsionny i derivatsionny aspekty // Aktivnye protsessy v sovremennoy leksike i frazeologii: materialy mezhdunarodnoy konferentsii 8–9 iyunya 2007 g. pamyati L. V. Nikolenko i Yu. P. Soloduba (MPGU). M.; Yaroslavl': Remder, 2007. S. 40–52.
3. Dulichenko L. V. Antropoleksemы s negativnym znacheniem i ikh leksikograficheskoye opisaniye. SPb., 2000. 20 s.
4. Zdravomyslov A. G. K obosnovaniyu relyativistskoy teorii natsii // Relyativistskaya teoriya natsii: novy podkhod k issledovaniyu etnopoliticheskoy dinamiki Rossii. M.: RNISiNP, 1998. S. 9–25.
5. Karasik V. I. Yazyk sotsial'nogo statusa. M.: In-t yazykoznaniya RAN; Volgogr. gos. ped. in-t, 1992. 330 s.
6. Ponarin E., Dubrovsky D., Tolkacheva A., Akif'yeva R. Indeks (in)tolerantnosti pressy // Yazyk vrazhdy protiv obshchestva: sb. st. / sost.: A. Verkhovsky. M.: Tsentr «Sova», 2007. S. 72–106.
7. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. M.: ITDGK «Gnozis», 2004. 326 s.